

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 454–458

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 454–458

<https://bonjour.sgu.ru>

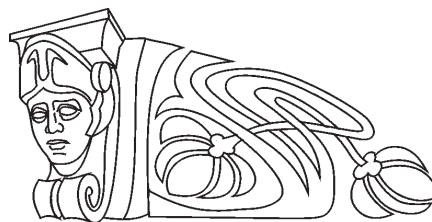
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-454-458>

Научная статья

УДК 821.111(73).09+929

Проблема гибридной идентичности в американско-еврейской литературе

М. К. Бронич

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

Бронич Марина Карповна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы народов мира и межкультурной коммуникации, mbronich@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1231-6689>

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения американизации и сохранения этнических и религиозных традиций иммигрантов в творчестве крупнейших американских писателей еврейского происхождения, вошедших в литературу после Второй мировой войны, когда начинается процесс возвращения к корням под влиянием набирающего силу дискурса мультикультурализма. Стадильность переоценки еврейской идентичности рассматривается на примере произведений С. Беллоу, А. Лелчука и Ф. Рота.

Ключевые слова: Сол Беллоу, Алан Лелчук, Филип Рот, гибридная идентичность, мультикультурализм

Для цитирования: Бронич М. К. Проблема гибридной идентичности в американско-еврейской литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 454–458. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-454-458>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Hybrid identity in the American-Jewish literature

М. К. Bronich

Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Marina K. Bronich, mbronich@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1231-6689>

Abstract. The paper analyzes the complex relationship between becoming American and keeping up ethnic and religious traditions in immigrant families as portrayed in the works of leading American Jewish novelists who entered the literary scene after the Second World War when the back-to-the-roots sentiment was on the rise driven by the expanding multiculturalist discourse. The writings of Saul Bellow, Alan Lelchuk and Philip Roth are discussed to illustrate the different stages in the reassessment of Jewish identity.

Keywords: Saul Bellow, Alan Lelchuk, Philip Roth, hybrid identity, multiculturalism

For citation: Bronich M. K. Hybrid identity in the American-Jewish literature. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 454–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-454-458>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Америка как страна иммигрантов всегда была благодатной почвой для формирования гибридной «двойственной» идентичности. Процесс этот до середины XX в. был завуалирован теориями «плавильного котла», согласно которым и должно было идти слияние, смешивание культур и народов в единую американскую нацию. Ещё в 1917 г. была основана Федерация еврейской благотворительности для помощи прибывающим в США евреям и их американизации¹. Иммигранты, сохраняя в быту свои культурные и религиозные обычаи, стремились войти в ряды среднего класса и американский культурный мейнстрим, часто разыгрывая роль белых американцев в расистской стране, чтобы

избежать хорошо знакомой им по европейскому опыту маргинализации. В 1930–1940-е гг., как утверждает исследовательница американского мюзикла А. Моуст, «евреи начали активно укреплять свое положение в среде белых американцев, оттачивая имеющиеся и осваивая новые театральные навыки, становясь исполнителями американской идентичности <...> еврейские писатели, режиссёры и продюсеры осуществили драматическую постановку акта ассимиляции на сцене и на экране»².

Однако уже в конце 40-х гг. в среде еврейских интеллектуалов идет процесс возвращения к корням, катализатором которого стали Холокост и создание государства Израиль. Ирвинг

Хау, Альфред Кейзин, Норман Подгорец, Лесли Фидлер и другие разными путями приходят к «жизненно-бытовому наследию, которое передается с молоком матери, семейными привычками и разговорами»³. В творчестве крупнейших американских писателей еврейского происхождения, вошедших в литературу после Второй мировой войны, начинается переоценка еврейской идентичности. А заявивший о себе в 1960-е гг. дискурс мультикультурализма, занявший в последующие два десятилетия центральное место в оценке культурного процесса и пересмотре литературного канона, резко сместил акценты в сторону этнической составляющей в произведениях писателей.

Проблема соотношения американизации и сохранения этнических и религиозных традиций иммигрантов постоянно находится в центре внимания героев С. Беллоу, которые, как правило, представляют второе поколение евреев, выходцев из Восточной Европы, наследников древней культурной и исторической традиции. Они обычно знают, «кто они такие». Ими владеет стремление не столько утвердить свою культурно-этническую идентичность, сколько обрести условия, при которых эта идентичность может стать фундаментом их осмысленного и стабильного существования. Герои Беллоу никогда полностью не ассимилируются в протестантскую Америку: они постоянно осознают себя и частью американской жизни, и чужеродными ей. Они постоянно балансируют между приятием американской жизни и отчуждением от нее, поэтому им всем, независимо от профессии – а среди них немало художественных натур – близко искусство игры как стратегии выживания и адаптации к агрессивному миру, где приходится, согласно С. Холлу, «постоянно создавать и пересоздавать свою идентичность, исходя из того, как нас представляют или воспринимают в окружающих нас культурных системах»⁴.

Так, о своём раннем романе «Жертва» (1947) Беллоу говорил, что это рассказ об иммигранте, который хочет стать полноценным американцем⁵, но из-за своей этнической принадлежности Эйза Левенталь ощущает себя маргиналом. Герой болезненно реагирует на окружающий мир, чувствуя себя чужим в нем, в том числе и в семье своего младшего брата, где его пугают непонятные жесты и взгляды невестки, итальянки и католички, и даже многозначительное, как ему кажется, молчание ее матери. Его тяготит служба, так как ему кажется, что шеф его презирует, потому что он еврей. В это время его начинает преследовать и требовать от него помощи некто Кирби Олби, который когда-то помогал Левенталю устраиваться на работу, а теперь, изгнанный отовсюду, опустившийся, он упрекает Левенталь в своих трудностях и даже живет за его счет. Столкновение с Олби обостряет и углубляет ощущение чуждости. Последний постоянно подчеркивает инаковость Левенталь. В нем он видит узурпатора

принадлежащего ему по праву «настоящего американца» места в жизни. Олби нарочито задевает национальные и религиозные чувства Левенталь, всячески пытается оскорбить его человеческое достоинство, называя его чудовищем Калибаном. Но нарастающая агрессивность Олби идет параллельно с процессом обретения Эйзой внутренней уверенности, ощущения собственной «уместности», которая окончательно кристаллизуется в финале романа.

Проблема соотношения американизации и сохранения этнических и религиозных традиций иммигрантов выдвигается на первый план в малой прозе писателя. В рассказе «Старая система» (1967) в воспоминаниях героя (фоколизатора), известного ученого в области генетики д-ра Брона, прокручивается история непростых отношений между его кузенами, которые, в отличие от своего отца, иммигранта из Восточной Европы, успешно адаптировались в Америке. Они вошли в лоно среднего класса, а Исаак Брон даже стал мультимиллионером. Но процесс адаптации оказался болезненным. Поднимающийся в гору Исаак был брошен в самый решающий момент своими братьями и сестрой, у которых он просил поддержки. Властная Тина заставляет братьев, по сути, отречься от законов кровного родства. А когда Исаак стремительно разбогател, в негодовании окончательно порывает с ним, отказываясь от традиционных семейных и религиозных праздников, откровенного выражения родственных чувств как наследия ненавистной ей «старой системы», завезенной из-за океана, и противопоставляет ей нарочитую англосаксонскую сдержанность. Исаак, напротив, по мере продвижения по социальной лестнице все крепче держится ортодоксального иудаизма, патриархального уклада, идиша. Но в деловой жизни идет в ногу со временем, находит общий язык с партнерами по бизнесу WASPами, умеет здраво по-американски излагать свои мысли и убеждать инвесторов. Он уверен, что «в Америке все злоупотребления Старого света были устранены. Этой земле была уготована роль вершителя исторической справедливости»⁶. И тот и другой «перегибают палку»: Тина под покровом усвоенных американских манер таит старомодность, а Исаак, несмотря на свои старозаветные манеры и выплескивающую эмоциональность, следует «коренной, другой мудрости гоев, которые многое могли бы сказать, но воздерживаются»⁷. Оба они предстают фигурами гротескными, смешными и жалкими одновременно, но до боли близкими д-ру Брону, потому что они одного «генетического поля», у них одна «наследственность». И переполняющие их чувства, смех и слезы, доведенные до пародийности семейные сцены неистребимы, как «молекулярный процесс – единственно верная геральдика бытия»⁸.

Н. Глейзер и Д. П. Мойникан в своем исследовании «Вне плавильного котла: негры, пуэрториканцы, евреи, итальянцы и ирландцы Нью-Йорка» утверждали, что в 1970-е гг. роль религии в формировании идентичности падает⁹. Эта тенденция очевидно обнаруживается в произведениях американско-еврейских писателей 1980–1990-х гг. В сочинениях Беллоу, созданных в середине 70-х и позже, как правило, уже не упоминается обязательное для мальчиков образование в хедере, а в романе Алана Лелчука «Мальчик из Бруклина» (1990) хедеру противопоставляется светская бундтовская школа им. Шолом-Алейхема, которую посещает юный герой Аарон Шлосберг. Более того, он равнодушен к иудаизму. В десять лет «Аарон обнаружил, что он грешник, атеист»¹⁰. Но для него, рожденного и выросшего в семье иммигрантов, проблема национальной идентичности и органически с ней связанный вопрос об оценке «чужого» выступают на первый план.

В семье царит разноязычие: мать укачивает Аарона-младенца песенкой на идиш, отец слушает русские песни и разговаривает с сыном на русском языке, чему противится мать, иммигрантка во втором поколении. Одно из самых ярких воспоминаний раннего детства героя связано с картой старого Бруклина еще с голландским написанием названий поселений, которую ему как-то показал отец. Удивленный мальчик произносит ключевую для понимания глубинного смысла романа фразу: «Так, значит, мы еще и голландцы, а не только американцы и русские?»¹¹.

Процесс самоидентификации героя идет через культуру спорта. Бейсбол становится важнейшей составляющей американских ценностей, он осознается как истинная религия свободных и беззаботных людей со своими представлениями о независимости, справедливости, добре и зле. Отношение к бейсболу превращается в критерий отделения «своего» от «чужого». Отсутствие интереса к бейсболу у Шлосберга-старшего углубляет конфликт отцов и детей, который выступает как конфликт разных культур и мировоззрений. Приверженность отца неамериканским привычкам: шахматы в клубе гражданской обороны, разговоры о политике, просмотр фильмов о войне по воскресеньям, русская еда и русская речь – все это чуждо Аарону. Ему стыдно за отца, не желающего приспособиться к Америке, всячески демонстрирующую свою «чуждость». «Не просто иммигрант, но еврей с левыми взглядами <...> И вправду посторонний»¹².

Осознание себя не только американцем, но и евреем приходит тогда, когда мальчик сталкивается с бытовым антисемитизмом, свидетелем и отчасти жертвой которого он становится. Глава, в которой описывается этот небольшой, но чрезвычайно существенный эпизод, знаменательно названа «Взросление» («Coming of Age»). Стыч-

ка готовящегося к обряду бар-митцва Аарона с мальчишками, издевающимися над его еврейским именем и изображением звезды Давида на его сумке, оскорбляющими героя презрительной кличкой, а также избиение раввина, вступившего за мальчика, становится переломным в его отношении к «своему» и «чужому».

По мере взросления герой приходит к мысли о возможности притягивания «чужого». В мечтах он даже отправляется в Россию в надежде увидеть и, может быть, понять страну и культуру, которая так властно притягивала отца. «Свое» же, т.е. американский мир, начинает видеться неоднородным, разнородностью культуры которого приводит к осознанию собственной амбивалентности, существования на пересечении культурных традиций. Но, как утверждает Х. Баба, «проблема культурного взаимодействия возникает только на сигнификативных границах культур, где происходит (искаженное) считывание значений и ценностей или некорректное использование знаков»¹³. В случае с героем Лелчука столкновения с расовой и этнической неприязнью носят единственный характер и выступают как драматические этапы жизненного опыта. Поскольку история Аарона – это история становления писателя, приобщение героя к англоязычной литературной традиции Шекспира и Диккенса, Китса и Гарди, Томаса Вулфа и Сола Беллоу формирует его американскую идентичность, определяет его включенность в американский мультикультурный контекст.

Х. Баба особо подчеркивал, что «социальное выражение и формулирование различия, с точки зрения меньшинства, это сложный, непрерывный переговорный процесс, стремящийся утвердить в правах гибридные культурные новообразования, возникающие в моменты исторической трансформации»¹⁴. Ф. Рот конструирует ситуацию осознания американскими евреями своей принадлежности к меньшинству в романе «Заговор против Америки» (2000), написанном в жанре альтернативной истории. Приход к власти сочувствующего нацизму Линдберга в 1940 г., начало вытеснения евреев из всех сфер жизни под благовидным предлогом национальной программы их ассимиляции, разгул воинствующего антисемитизма, серия погромов, прокатившаяся по стране, глухое и открытое сопротивление растущей фашизации жизни и коллаборационизм в состоятельных кругах еврейства – все это представлено через призму наивного сознания героя-рассказчика, взрослеющего на глазах у читателей. Драматическая история маргинализации давно ассимилировавшихся в стране евреев получает четкую формулировку в словах матери героя: «Ну вот, нравится нам это или нет, Линдберг сумел объяснить нам, что мы евреи. А мы-то, – добавила она, – думали, что мы обыкновенные американцы»¹⁵. А к концу романа рассказчик проводит прямую аналогию «между непрошен-

ными белыми первопоселенцами, пересекшими Аппалачи и вторгшимися в излюбленные охотничьи угодья племен делаваров и алгонкинов», и еврейскими чужаками, «тоже дико выглядящими на сторонний взгляд и провоцирующими аборигенов на насилие не подчеркнуто агрессивным поведением, а самим фактом своего присутствия»¹⁶. Репрезентации Другого как бы состоят из перевернутых самоимиджей, определяемых только выделением «различия» и «отрицания». С одной стороны, приведенная параллель служит своеобразным указанием на то, что в Америке все, кроме вытесненных и вымерших индейцев, пришельцы, американцы, различия между которыми определяются властными отношениями. С другой – если воспользоваться языком Х. Бабы, «дискурс мимикрии выстраивается вокруг двойственности», которая «должна непрерывно создавать эффекты смещения, избыточности, различия» и «расставляет знаки расового и культурного приоритета таким образом, что “национальное” становится неассимилируемым»¹⁷.

В еще большей степени мимикрия как «иронический компромисс» выступает в романе Ф. Рота «Людское клеймо» (2000). Здесь главный герой, Коулмен Силк, семидесятилетний профессор классической филологии и всемогущий декан факультета, скрывающий свое афроамериканское происхождение под маской еврейской идентичности, становится жертвой общественного ostracism из-за небрежно брошенных ничего для него незначущих слов в адрес регулярно пропускающих занятия темнокожих студентов. Причем не только нечаянное отступление от строго соблюдающихся, особенно в академической среде, правил политкорректности разрушает жизнь героя. Коулмен, скрывая свою расовую инаковость, при помощи мимикрии обретает инаковость этническую, до поры до времени дающую ему ощущение безопасности и включенности в мейнстрим. Причем он не осознает своей двойственности, возможности быть воспринятым афроамериканским сознанием, и не только афроамериканским, в качестве Другого, поэтому, когда это происходит, «маска», до того не полностью скрывающая «лицо», вытесняет последнее. И оказывается, что этническая инаковость, несмотря на атмосферу «политкорректного психоза», а, может, и благодаря ей, под проницательным взглядом Другого становится объектом маргинализации. По крайней мере, так объясняет рассказчику Коулмен Силк свое незавидное положение: «Вышвырнули из Афины <...> за то, что я белый еврей, один из тех, кого эти недоумки считают своими врагами. Вот кто в ответе за все их американские беды. Вот кто умыкнул их из райских куш. Вот кто удерживает их в неволе все эти годы. В чем главная причина негритянских страданий на нашей планете? Ответ они знают заранее – так зачем им идти на

лекцию? Зачем им открывать книгу? Без чтения всё знают – без думанья всё знают. Кто виноват? Те же самые ветхозаветные чудища, что виноваты в страданиях немцев»¹⁸.

Основное действие в романе происходит в 1998 г., но история жизни Силка и страны, представленная фрагментарно в ретроспекциях, прослежена начиная с конца 1920-х гг. Причем в фокусе видения рассказчика, писателя Натана Цукермана, неписанные законы англосаксонского протестантского истеблишмента, определяющие судьбы людей. В конце 30-х гг. еще существуют «дискриминационные квоты, цель которых – не пускать евреев на медицинские факультеты, особенно в Гарварде и Йеле», во время войны на «Норфолкской военно-морской базе в Виргинии, Силка вышвырнули из публичного дома, решив, что он негр», в конце 90-х – «из Афина-колледжа – за то, что он белый»¹⁹. Меняется тактика отношения к этническим группам, но неизменным остается дух нетерпимости по отношению к нарушителям канона, дух превосходства, выражающийся в скрытом расизме и антисемитизме, который так остро чувствует рассказчик, размышляя о гибели Силка: «Похоронили как еврея, подумал я, и, если моя догадка верна, убили как еврея»²⁰. Отсюда и проблема двойственности личности, желание быть не тем, чем являешься. Выбор идентичности как предательство своей природы неизбежно приводит к трагедии. В результате герой становится «неведомым доселе сплавом двух самых что ни на есть разнородных нежелательных этнических начал в истории Америки»²¹.

Писатель создает еще один вариант крушения американской мечты о человеке, который сам себя сделал. Откровения Ф. Рота по поводу такой тонкой материи, как этническая и расовая проблема в современном мире, знаменательны. Писатель, как всегда, идет против течения, на этот раз подвергая сомнению мультикультурный характер американского общества.

Примечания

- 1 См.: Glazer N., Moynichan D. Beyond the Melting Pot : The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. Cambridge, MA : MIT Press, 1992. P. 140.
- 2 Most A. “We Know We Belong to the Land”. The Theatricality of Assimilation in Rodgers and Hammerstein’s *Oklahoma!* // PMLA. 1998. Vol. 113, iss. 1 : Special Topic Ethnicity. P. 77. <https://doi.org/10.2307/463410>
- 3 Sahar H. A History of the Jews in America. New York : Vintage-Random, 1992. P. 708.
- 4 Hall S. The Question of Cultural Identity. URL: https://is.muni.cz/el/1421/jaro2006/PH1215/um/Hall_Concepts_of_identity.pdf (дата обращения: 23.05.2021).
- 5 Miller R. Saul Bellow : A Biography of Imagination. New York : St. Martin’s Press, 1991. P. 33.

- ⁶ *Bellow S.* The Old System // *Bellow S.* Mosby's Memoirs and Other Stories. New York : Penguin Books, 1984. P. 65.
- ⁷ *Ibid.* P. 72.
- ⁸ *Ibid.* P. 83.
- ⁹ *Glazer N., Moynichan D.* Op. cit. P. xxxvi.
- ¹⁰ *Lelchuk A.* Brooklyn Boy. New York : Basset Books, 1996. P. 3.
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² *Ibid.* P. 37.
- ¹³ *Bhabha H.* The Location of Culture. New York : Routledge, 1994. P. 34.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 2.
- ¹⁵ *Ром Ф.* Заговор против Америки : роман. СПб. : Лимбус Пресс, 2008. С. 345.
- ¹⁶ Там же. С. 483.
- ¹⁷ *Баба Х.* Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса. URL: <https://yandex.ru/turbo/magazines.gorky.media/s/nlo/2020> (дата обращения: 23.05.2021).
- ¹⁸ *Ром Ф.* Людское клеймо. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=136716&p=1> (дата обращения: 18.05.2021).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.

Поступила в редакцию 03.09.2021, после рецензирования 09.09.2021, принята к публикации 13.09.2021

Received 03.09.2021, revised 09.09.2021, accepted 13.09.2021